

Язык в условиях межкультурной коммуникации Language and cross-cultural communication

Научная статья

УДК 93'94

DOI: 10.14529/ling250404

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ В ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТАХ НА РУССКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ

Е.В. Архипова¹, *eugenia.arkhipova@mail.ru*

Д.С. Беспалова², *bespalovads@cspu.ru*

Н.В. Грибачева², *gribachevanv@cspu.ru*

¹ Кемеровский государственный университет, Новокузнецк, Россия

² Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

Аннотация. Статья исследует национально-культурные особенности номинации социально значимых заболеваний на примере прецедентных текстов русского и сербского языков. Для исследования методом целенаправленной выборки было отобрано 300 анекдотов из русской и сербской лингвокультур, охватывающих темы здоровья, социально значимых болезней и медицины, рассматриваемых в качестве прецедентных текстов и отражающих особенности культурной ментальности. Результаты отражают следующие особенности: в русской лингвокультуре распространены шутки о зависимостях, заболеваниях, передаваемых половым путем, сердечно-сосудистых и психических заболеваниях с использованием таких стилистических средств, как сатира, ирония, сарказм и игра слов. В сербской лингвокультуре тематические группы повторяют русскую лингвокультуру, комический эффект достигается путем наличия обсценной лексики, эвфемизмов, вулгаризмов и жаргонизмов.

Ключевые слова: номинация, прецедентный текст, анекдот, социально значимое заболевание

Для цитирования: Архипова Е.В., Беспалова Д.С., Грибачева Н.В. Национально-культурные особенности номинации социально значимых заболеваний в прецедентных текстах на русском и сербском языках // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2025. Т. 22, № 4. С. 27–34. DOI: 10.14529/ling250404

Original article

DOI: 10.14529/ling250404

NATIONAL AND CULTURAL PECULIARITIES OF THE NOMINATION OF SOCIALLY SIGNIFICANT DISEASES IN PRECEDENT TEXTS IN RUSSIAN AND SERBIAN

E.V. Arkhipova¹, *eugenia.arkhipova@mail.ru*

D.S. Bespalova², *bespalovads@cspu.ru*

N.V. Gribacheva², *gribachevanv@cspu.ru*

¹ Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russia

² South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia

Abstract. The article explores the national and cultural features of the nomination of socially significant diseases using the example of precedent texts of the Russian and Serbian languages. For the study, 300 anecdotes from Russian and Serbian linguistic cultures were selected using a targeted sampling method, covering topics of health, socially significant diseases and medicine, considered as precedent texts and reflecting the peculiarities of cultural mentality. The results reflect the following features: in Russian linguoculture, jokes about addictions, sexually transmitted diseases, and cardiovascular and mental illnesses are common, employing stylistic means such as satire, irony, sarcasm, and wordplay. In Serbian linguoculture, the thematic groups are similar to those in Russian linguoculture, but the comic effect is achieved through the use of obscene vocabulary, euphemisms, vulgarisms, and jargon.

© Архипова Е.В., Беспалова Д.С., Грибачева Н.В., 2025.

Keywords: nomination, precedent text, anecdote, socially significant disease

For citation: Arkhipova E.V., Bespalova D.S., Gribacheva N.V. National and cultural peculiarities of the nomination of socially significant diseases in precedent texts in Russian and Serbian. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics.* 2025;22(4):27–34. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling250404

Связь между культурой и прецедентными текстами давно привлекает внимание ученых из разных областей научных исследований. Под прецедентными текстами вслед за Ю.Н. Карауловым мы понимаем тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, хорошо известные широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников [8]. Обращение к данным текстам происходит неоднократно в дискурсе данной личности [8]. Прецедентными текстами являются крылатые фразы, пословицы, названия и цитаты из песен, кинофильмов и иных текстов массовой культуры [10]. Многие антропологи, такие как Клиффорд Гирц и Бронислав Малиновский, тщательно изучали значение текстов в культурном контексте, подчеркивая их важность для социальных взаимодействий и формирования картины мира общества. К. Гирц в своей работе «Интерпретация культур» рассматривает тексты как подробные описания лингвокультурных явлений, помогающие понять символические системы и мировоззрения различных сообществ [5].

В дальнейшем ученые, вдохновленные идеями Гирца, продолжили изучать диалогическую природу прецедентных текстов, подчеркивая их способность отражать, оспаривать и пересматривать культурные нарративы. Например, Р.Барт в труде «Мифологии» анализирует, как через язык и дискурс обыденные вещи и практики приобретают культурные значения [2].

Развитие интернет-технологий и процесс всемирной глобализации привели к появлению различных средств электронной коммуникации, представляющих собой особый пласт лингвокультуры [11], оказывающий влияние на все сферы жизни общества, способствующий росту количества прецедентных текстов и усиливающий их роль и значение в глобальной культуре.

Концепция Л.С. Выготского о «зоне ближайшего развития» подчеркивает роль культурных артефактов, включая тексты, в когнитивном развитии и обучении в культурном контексте [4].

Язык играет ключевую роль в передаче культурного наследия, а его роль особенно выделяется в работах, созданных народом, где национальная идентичность и культурные особенности наиболее ярко проявляются. Поэтому материалом данного исследования являются анекдоты как примеры прецедентного текста, который рассматривается как отражение традиций определенной культуры и особенностей этнической ментальности.

Благодаря тесной взаимосвязи с культурными ценностями «прецедентный текст напрямую связан с важнейшими аспектами общества, включая проблематику социально значимых заболеваний. Данные заболевания определяются как те, чье возникновение и распространение зависят от условий социально-экономического и культурного характера конкретной языковой культуры» [1, с. 176].

Комический эффект каждого анекдота достигается через разнообразные стилистические средства, и анализ их использования позволяет добиться основной цели исследования: выявления национально-культурной специфики номинаций социально значимых заболеваний и пациентов. Для проведения исследования методом целенаправленной выборки с различных интернет-сайтов было отобрано 300 анекдотов (150 на русском и 150 на сербском языках), охватывающих темы здоровья, социально значимых болезней и медицины. В качестве источников данных использовались ресурсы вроде onelinefun.com, wattpad.com, urjoke.com, anekdotov.net и другие, где собраны тематические анекдоты и шутки, посвященные данной тематике.

По результатам исследования значительное число номинаций в анекдотах русской лингвокультуры относится к группе социально значимых заболеваний, связанной с зависимостью от алкоголя, наркотических препаратов, курения (41 % от изученного материала). Рассмотрим примеры.

*«Создав поля, леса, зверей
На день шестой, Господь устал,
Но все же вылетил людей,
Взглянул на них и так сказал:
Зело красив Адам, признаюсь,
А Ева – блеклая весьма,
Да ладно, я не сомневаюсь:
Она накрутится сама.
Потом, на облако усевшись,
Почувствовав на сердце боль,
Повторно к Еве приглядевшись,
Господь придумал алкоголь»* (anekdotov.net).

Номинация «алкоголь» произойдет из арабского языка. В древней арабской лексике «al-kuhl» обозначало «порошкообразную сурьму для подкрашивания». В XVI веке оно впервые упоминается в алхимии, а с появлением химии как научного направления в XVIII–XIX веках становится обозначением группы химических соединений на основе этанола. В русский язык «алкоголь» попал из немецкого «Alkohol» или нидерландского «alkohol» [13].

Данный анекдот отражает факт связи между происхождением слова «алкоголь» и его современным смыслом и представлен в стихотворной форме, переосмысливает библейские сюжеты в духе пародии, объединяя элементы различных жанров и стилей («зело красив», «повторно приглядывшись»). Автор иронически отмечает способность алкоголя приукрашивать действительность.

«В автобусе ехали нарик, бабушка и моряк. Бабушка попросила наркомана передать деньги, тот обратился к моряку: – Послушай, солдатик, передай водителю деньги. Моряк ответил: – Я не солдатик, я – моряк. Наркоман обернулся к бабушке: – Извини, бабуля, мы на корабле, а не в автобусе».

Существительное *нарик*, относящееся к молодежному жаргону, произошло от номинации наркоман [6]. Первая часть слова произошла от древнегреческого «парализующий, вызывающий онемение». Вторая часть – от древнегреческого «бешенство, безумие; восторг» [13]. В обыденной картине мира знание о необходимости оплаты проезда в автобусе считается частью общего фоновый опыт носителей русского языка и культуры. Однако нестандартная интерпретация этого факта участником анекдота, будучи вызванной его неадекватным состоянием (например, наркотическим опьянением), придает комический оттенок этой ситуации.

«– Приветствую вас, я Станислав, я алкоголик! – Здравствуйтесь, я Олег, тоже не обхожусь без алкоголя. – Здравствуйтесь, я Марина, и у меня проблемы с наркотиками... – Добрый вечер, я Никита Петрович, и предлагаю уже перейти к родительскому собранию!» (urjoke.com).

Данный анекдот демонстрирует, что в рамках русской лингвокультуры характерны оценочные реплики, используемые для создания комического эффекта в прецедентных текстах: *Добрый вечер, я Никита Петрович, и предлагаю перейти к нашему родительскому собранию!* Кроме того, начало анекдота (*Здравствуйтесь, я Олег, тоже не обхожусь без алкоголя. – Здравствуйтесь, я Марина, и у меня проблемы с наркотиками*) является аллюзией и структурировано как собрание анонимных алкоголиков. Комический эффект в данном анекдоте достигается за счет объединения двух совершенно разных речевых ситуаций: с одной стороны, это типичное «школьное» событие – родительское собрание, а с другой стороны, это обращение, характерное для групп поддержки анонимных алкоголиков.

Во время пандемии COVID-19 в российской лингвокультуре появилось огромное количество анекдотов, связывающих проблемы зависимости от алкоголя и вирусное заболевание. Например:

*«– Ты принимаешь алкоголь против Ковида?
– Принимаю.
– Ну и как?»*

– Ты знаешь, помогает. И Ковид стороной обходит, и жена к своей матери ушла» (anekdotov.net).

В данном случае для создания комического эффекта алкоголь рассматривается как лекарственное средство от тяжелого заболевания.

«– Мой отец относится к пандемии очень серьезно.

– Почему ты так думаешь?

– От него постоянно пахнет санитайзером» (anekdotov.net).

В данном случае комический эффект создается на основе той информации, закрепленной в сознании носителей языка, что люди со склонностью к алкоголизму могут пить все спиртосодержащие вещества, духи, одеколоны, в том числе и санитайзеры.

«Был у меня знакомый вирусолог. Так он из 5 кг сахара 8 литров вакцины мог сделать» (anekdotov.net).

В данном случае с помощью иносказания проводится параллель между алкоголем как лекарством от всех болезней и вакцинацией от вирусного заболевания.

Если говорить о юморе Сербии, то само слово «анекдот» означает случай из жизни человека. Точнее всего «анекдот» с сербского языка переводится словом «куръез». Русский «анекдот» – сербский «виц», анекдоты – «вицеви». Понять юмор сербов – значит понять образ жизни Сербии. Сербский юмор острый и в моменты, возможно, слишком прямолинейный, насыщенный обценной лексикой, но прежде всего оригинальный и аутентичный, особенно те анекдоты, что включают социально значимые заболевания. Рассказывая анекдоты, содержащие обценную лексику, и тем самым грубо нарушая правила приличия, сербы превращают мир в то место, где все является тем, чем оно является, где проще называть вещи своими именами. Рассмотрим пример.

«Циганин имао стомачне грчрве и отишао код лекара. Лекар му прегледа стомак и упита: „Какав ти је зов природе?“ „Добро, брате, добро! На моју природу треба олакшање, зато сам и дошо...“ „Нисам на то мислио. Каква ти је столица?“ „Дрвена, докторе, стара много, расклимана, пропала скроз...“ „А бре, човече! Потруди се да разумеш! Колико често идеш да се олакшаиш, избацујеш ли нешто напоље?“ „А то хоћеш да кажеш? Зато што сам Циганин, да живим напоље, то?“ „Гоцно, Циго! Какво ти је г...о?“ „Е, па, докторе, нисам га пробао!» (wattpad.com) [здесь и далее перевод собственный: У цыганки начались спазмы желудка, и она обратилась к врачу. Доктор осмотрел ее живот и спросил: – Опишите ваш зов природы? – Хорошо, брат, хорошо! Моя природа нуждается в облегчении, поэтому я и пришла... – Я не это имел в виду. Какой у вас стул? – Деревянный, доктор, очень старый, шаткий, совсем испорченный... – Эх, подруга! Попы-

тайтесь меня понять! Как часто вы ходите справиться нужду, что-нибудь сбрасываете? – Ах, вы это имеете в виду? Все потому, что я цыганка и живу на улице? – Черт, Цыганка! Опиши свое д...мо! – Ну, доктор, я его на вкус не пробовала!].

В данном случае комический эффект создается на основе игры слов и непонимании собеседников – врача и цыганки, страдающей от желудочно-кишечных колик. Словосочетание зов природы, как и существительное стул (серб. столица) в сербском языке кроме остальных значений обозначают дефекацию, выброс из организма фекалий через кишечник [14].

Группа номинаций социально-значимых заболеваний, связанных с зависимостями, представлена и в сербской лингвокультуре, она составила 32 % от изученного материала.

«Знаш да си Србин када: ти твој тата каже да не пијеш толико, а он сам пије без прекида; се бавите спортом шест пута недељно, али из неког разлога тата почне да се замара након пет секунди у повратку кући са свог тринаесточасовног радног дана у пекари / фабрици за производњу хлеба / прехрамбеној индустрији; твој тата тврди да није расиста, али инсистира на томе да цео свет мора да говори српски; имаши макар једног рођака са којим твоја породица не разговара. Знаш да си Србин када чујеш своје родитеље како разговарају, иако се налазиш са друге стране улице. Када користиш те ракију за лечење свих болести, слављење свих празника, а такође и за масажу» (wattpad.com) [Ты знаешь, что ты серб, когда: твой папа говорит тебе не пить так много, но сам пьет без остановки; вы занимаетесь спортом шесть дней в неделю, но почему-то папа начинает задыхаться через пять секунд после того, как он возвращается домой с тринадцатичасового рабочего дня в пекарне / на хлебозаводе / на фабрике; твой папа утверждает, что не расист, но настаивает на том, что весь мир должен говорить по-сербски; есть по крайней мере один родственник, с которым ваша семья отказывается разговаривать. Вы знаете, что вы серб, когда слышите, как разговаривают ваши родители, а вы находитесь через улицу. А ракия используется для лечения всех болезней, празднования всех праздников, а также как массажный лосьон].

Ракия – виноградная балканская водка, один из довольно узнаваемых образов сербской национальной кулинарной культуры. Склонность к частому и чрезмерному употреблению алкоголя сербами, их любовь к застольям находит отражение во многих шутках и анекдотах.

«Даша Сербину код доктора и жали се: – Докторе, много кошем и тешке душим! – Пушив? – Много, али не помажен» (urjoke.com) [Пришел к врачу серб и жалуется: – Доктор, я сильно кашляю и тяжело дышу! – Ты куришь? – Много, но это не помогает].

Массовое курение во всех общественных местах, даже за столом в кафе или ресторане во время приема пищи, отличает сербскую культурную традицию от европейских, включая и русскую культуру, в которой в настоящее время в соответствии с принятыми нормами поведения курение в общественных местах строго запрещено.

«Благо ветру. Он стално дува» (wattpad.com) [Благослови ветер. Он продолжает дуть].

Комическое в данном примере основано на стилистическом приеме игры слов: связи явления природы (ветер дует) с одной из форм приема некоторых наркотиков, которая определяется на жаргоне тем же выражением (серб. дувати лепак, дувати Мару строго запрещено – нюхать (дуть) клей, курить (дуть) марихуану) [3].

Следующей по частотности тематической группой, выделенной в русском языке, явились номинации социально-значимых заболеваний, в той или иной степени связанные с заболеваниями, передающимися половым путем (33 % от всего исследуемого материала).

«В мединституте идет лекция. Профессор говорит: – Прежде чем назвать вам тему сегодняшней лекции, я вам расскажу случай из собственной жизни. Когда я был студентом, мне нравилась одна девушка. Нравилась она и еще одному студенту. Девушка отдала предпочтение тому студенту. Я остался с носом, а тот молодой человек – без носа. Теперь я вам объявлю тему сегодняшней лекции: Сифилис и его последствия» (anekdotov.net).

Номинация сифилис относится к медицинской терминологии и по некоторым данным произошла от итальянского *syphilis* от имени пастуха Сипила у Овидия (Метаморфозы 6, 146 и сл.), страдающего от симптомов данного заболевания. Считается, что впервые оно было употреблено венецианским врачом Джироламо Фракасторо [13]. В данном анекдоте используется общеизвестное представление о последних стадиях сифилиса, характеризующихся отваливающимся носом. Этот образ закреплен в обыденном языковом сознании и является частью общего культурного контекста в русской и европейских культурах, поэтому понятен носителям языка.

«В аптеке:

– У вас есть что-нибудь от триппера?

– Конечно!

– Заверните покрасивей – это подарок» (anekdotov.net).

Номинация триппер относится к медицинской терминологии; по некоторым данным, оно произошло от немецкого глагола *troffen* – капать и является вариантом номинации такого социально значимого заболевания, как гонорея [13]. В данном случае комический эффект строится на фоновых знаниях носителей языка о способах передачи данного заболевания и его чрезвычайной заразности.

«Яблоко – витамины, витамины – мускулы, мускулы – сила, сила – власть, власть – деньги, деньги – секс, секс – спид, спид – смерть. Хочешь яблоко?» (vse-shutochki.ru).

Номинация СПИД является звуковой аббревиатурой от синдрома приобретённого иммунного дефицита и развивается на фоне ВИЧ-инфекции [13]. В данном анекдоте для создания комического эффекта используется парадокс при создании простых логических цепочек. Кроме того, в данном анекдоте присутствует отсылка на огромное количество мифов о способах передачи данного заболевания, которые закрепились в картине мира русскоязычных людей.

В сербской лингвокультуре номинации, связанные с данной категорией социально значимых заболеваний, составили 52 % от изученного материала.

«Долази Циганка у апотеку, прилази апотекару и каже: „Даж ми мало пудер за п...ку, много ме сврби“. Апотекар шокиран језиком Циганке, каже: „Изађите на улицу, па се онда вратите, али тада културно покуцајте на врата, кажите „добар дан, господине“, и онда можете да потрежите лек за своје стидне ваши“. Циганка тохвати нормално. Изађе на улицу, културно покуца на врата, каже: „Добар дан, господине“ и потражи средство против стидних ваши. Апотекар веома задовољан љубазно је упита колико јој је потребно, а Циганка одговори: „Да има за две п...ке“» (wattpad.com) [Цыганка приходит в аптеку, подходит к прилавку и говорит аптекару: «Мне нужно немного порошка для п...ы, потому что она очень чешется». Аптекарь шокирован языком цыганки. Он говорит: «Выйдите на улицу, а затем вернитесь, но сначала вежливо постучите в дверь, скажите: «Добрый день, господин», а затем вы можете попросить лекарство от лобковых вшей». Цыганка не видит ничего плохого в своей лексике. Она выходит на улицу, вежливо стучит в дверь, говорит: «Добрый день, господин» и просит средство от лобковых вшей. Аптекарь очень доволен и вежливо спрашивает ее о количестве, цыганка отвечает: «Что бы хватило на две п...ды»].

Номинация лобковая вошь (серб: полна ваш, стидна ваш) – разновидность вши *Phthirus pubis*, живущей на волосах около половых органов человека и в других частях тела, покрытых волосами [14]. В данном примере комический эффект достигается за счет контраста, сочетания несочетаемого [12]. Наблюдается одновременное употребление обсценной (нецензурной) лексики и эвфемизации, призванной подчеркнуть стремление современного общества к политкорректности, иногда, по мнению сербов, излишней.

«Решио Мујо да ради у иностранству на отишо у Амстердам. Кад се вратио, Хасо га пита: – „Је л си нешто зарадио у Амстердаму?“ – „Ма, пусти, зарадио сам гонореју и хламидију.“ – Е, брате, па следећи пут ради за паре, немој да ти

уваљују робу у натури» (wattpad.com) [Муджо решил поработать за границей и поехал в Амстердам. Когда он вернулся, Хасо спросил его: – Ты что-нибудь заработал в Амстердаме? – Да так, у меня гонорея и хламидиоз. – Ну, брат, в следующий раз работай за деньги, а не за натуру].

Номинация гонорея (серб: гонореја, разг.кипавац, трипер) – инфекционное заболевание, вызванное гонококком [14]. Комический эффект в этом случае достигается неадекватным пересечением значения слов и контекста, в котором они произносятся, с предполагаемым контекстом и значением, которым в данном контексте обладают те же слова. Первый семантический круг отличается использованием терминов, обозначающих ЗППП, которые участник получил, ведя распущенную сексуальную жизнь (контекст: Амстердам – город свободной любви, являющийся своего рода стереотипным этнокультурным образом: Амстердам как город, в котором легализованы проституция и употребление наркотиков) [9]. Второй круг относится к пребыванию в Амстердаме, европейском городе, где можно заработать хорошие, по меркам Сербии, деньги.

14 % русских анекдотов включали в себя номинации, связанные с сердечной недостаточностью, заболеваниями сердца.

«Сердечник Сидоров после перенесенного инсульта и инфаркта пьет исключительно за здоровье» (anekdot.ru).

Номинация сердечник относится к разговорному стилю и является обыденной номинацией больного, страдающего болезнями сердца. В данном анекдоте с помощью иронии проводится параллель между двумя заболеваниями: проблемами с сердцем и алкоголизмом. В русских анекдотах часто проводится параллель между сердечно-сосудистыми заболеваниями и их частой причиной – алкоголем.

В сербской лингвокультуре анекдотов о сердечно-сосудистых заболеваниях в указанных источниках не выявлено.

Следующей тематической группой являются номинации, связанные с психическими расстройствами и расстройствами поведения (12 % русских и 16 % сербских анекдотов).

«Бихевиористы, аналитики, гештальт-терапевты, психиатры... Только пациенты не изменились – они по-прежнему спасаются юмором» (anekdotov.net).

В данном случае для достижения комического эффекта используются различные номинации специалистов, занимающихся психическими отклонениями. Кроме того, отмечается низкая эффективность таких специалистов, по мнению носителей языка.

«– В чем разница между психиатром и психологом? – Если пациент жалуется на бессонницу, психиатр выписывает снотворное, а психолог посоветует считать овец» (anekdotov.net).

В этом анекдоте иронически комментируются стандартные представления о психиатрах и психологах в русском языковом сознании. Разница между ними заключается в том, что психиатр, будучи лицензированным врачом, имеет право выписывать лекарства, в то время как психолог, согласно представлениям русского человека, специализируется только на разговорах.

«Девојка ме је оставила зато што није могла да поднесе мој импулсивно-компулсивни поремећај. Рекао сам јој да затвори врата пет пута кад је отишла» (wattpad.com) [Моя девушка ушла от меня, потому что не выдержала моего обсессивно-компульсивного расстройства. Я пять раз говорил ей закрыть дверь, пока она уходила].

Обсессивно-компульсивное расстройство (ОКР) представляет собой психическое расстройство, при котором люди испытывают необходимость многократно проверять вещи, выполнять определенные действия (называемые «ритуалами») или постоянно размышлять о конкретных вещах («одержимости»). В данном анекдоте использование необходимости закрыть дверь определенное количество раз как результат заболевания служит сатирическим описанием людей с этим диагнозом.

«Улази хипохондар код доктора, а доктор му каже: „О, па где сте Ви, дуго вас нисам видео.“ „Ма страшно докторе, био сам нешто болестан...» (wattpad.com) [В кабинет врача заходит ипохондрик, и врач ему говорит: – Ой, где ты был? Я тебя давно не видел. – Все плохо, доктор, я немного приболел...].

Номинация ипохондрик (серб: хипохондар) – воображаемый пациент, ипохондрический пациент, ипохондрия (серб: хипохондрија) – произошла от древнегреческого *Nypochondriaos*: *ύλο* под и *χωνδρός* хрящ – то, что под грудинным хрящем – считалось, что нижняя часть живота была местом ипохондрии. Преувеличенный страх перед болезнью, которая существует только в воображении больного человека; состояние умственной усталости из-за вымышленного заболевания [14]. Комический персонаж (в данном случае типологический характер воображаемого пациента) сочетается с элементами комической ситуации. Ипохондрик не выполняет одну из своих основных характеристик (посещения врача из-за надуманных заболеваний) в результате реальной болезни. Таким образом, ирония в данном анекдоте основана на приёме обманутого ожидания читателей [7].

«Разговарају две пријатељице: „Како ти је муж?“ „Лоше, лоше. Заглавио болници због шизофреније.“ „Ето, увек сам говорила да ће му друге жене доћи главе» (wattpad.com) [Две подруги разговаривают: – Как твой муж? – Плохо, очень плохо. Застрял в больнице из-за шизофрении. – Ну, я всегда говорила, что за ним придут другие женщины].

Комический эффект в данном случае достигается непониманием слова шизофрения со стороны одного из собеседников, который не знает, что эта единица является номинацией болезни и определяет его значение в соответствии с формой (женского рода) и контекстом (разговор о супруге вызывает ассоциации на тему супружеской неверности). В данном случае комический эффект достигается путем противопоставления болезни и неверности.

«Двојица пријатеља на прослави десетогодишњице матуре причају о другу из одељења: „Еј, па где је он, шта ради?“ „Ма, није добро, тотална шизофренија“ „Па, то није ништа ново: лепо човек још онда причао да вреди за двојицу, ми му нисмо веровали» (wattpad.com) [Двое друзей на праздновании 10-летия выпуска говорят об однокласснике: – Так где он, чем он занимается? – О, всё не очень хорошо, у него шизофрения. – Ну, в этом нет ничего нового: наш друг еще тогда говорил, что он стоит двоих, мы ему просто не поверили].

Юмор в данном случае имеет элементы черного юмора и основан на общепринятом представлении о симптоме данной болезни – раздвоении личности, т. е. ума. Такое понимание, по всей вероятности, может проистекать из буквального перевода медицинского термина, от др.-греч. «расщеплять», «раскалывать» + «ум, мышление, мысль», но также и из-за неправильного восприятия некоторых общих симптомов различных заболеваний (шизоидное расстройство личности и т. п.). Собеседники в этом случае по-разному понимают выражение: первый собеседник, который знает о состоянии школьного друга, воспринимает его как серьезное заболевание, а второй, однако, выходит из концептуального комплекса болезни-опасности и опирается на доминантное и поверхностное представление об этой болезни (двойная личность, мания величия).

Таким образом, преодолевая контекст болезнь – опасность, один из симптомов (идея собственной исключительности, которая проявляется через так называемое представление о величии) соединяется с одним из типичных признаков (хвастовство), причем идея о серьезном заболевании определяется в контексте подтверждения выражения «стоит двоих».

В результате анализ анекдотов выявил ряд национально-культурных особенностей номинаций социально значимых заболеваний. Среди анекдотов, популярных в русской лингвокультуре, особенно часто встречаются шутки о зависимости от алкоголя, курения и наркотиков, а также о заболеваниях, передающихся половым путем, сердечно-сосудистых проблемах, психических расстройствах и нарушениях поведения. В сербской лингвокультуре аналогично популярными являются анекдоты о заболеваниях, передающихся половым путем, зависимостях и психических расстройствах.

Представители обеих культур редко шутят на тему онкологических заболеваний, вероятно, считая ее табуированной.

Кроме того, в русскоязычных анекдотах для номинации социально значимых заболеваний и больных часто используется разнообразная лексика, включая жаргон, сниженную и разговорную речь, а также заимствования. Тексты анекдотов наполнены разнообразными стилистическими приемами, такими как игра слов, сатира, ирония и сарказм.

Представители русской культуры часто насмеваются над самими собой, выставляя на показ собственные недостатки и пороки, такие как пьянство, лень и безразличие. Часто используются

парадоксы, преувеличения, игра слов и другие стилистические приемы.

В сербском языке для достижения комического эффекта часто применяются obscene лексика, эвфемизмы, вульгаризмы, жаргонизмы и ирония. Отношение к obscene лексике в сербской культуре более лояльное, чем в русской. Эти выражения становятся устойчивыми элементами общения и могут встречаться как на улице, в кино, так и в литературных произведениях.

Комический эффект в анекдотах обычно достигается за счет игры слов, которая передает различные шуточные, романтические, резкие или даже грубые коннотации, отражающие отношение этнической группы к определенному явлению.

Список литературы

1. Архипова Е.В. Факторы лингвокультурного трансфера номинаций сферы социально значимых заболеваний в диахроническом аспекте // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 175–181.
2. Барт Р. Мифологии. Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. М.: Академический Проект, 2008. 351 с.
3. Вишневская Е.А. Англо-русский словарь современного сленга и ненормативной лексики. М.: АСТ, Восток-Запад, 2008. 224 с.
4. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Под ред. Д.Б. Эльконина. М.: Педагогика, 1984. Т. 4: Детская психология. 432 с.
5. Гирц К.Г. Интерпретация культур. Пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 560 с.
6. Калинин А.Ю. Англо-русский и русско-английский словарь сленга / English-Russian and Russian-English Dictionary of Slang. М.: Живой язык, 2012. 224 с.
7. Канашина С.В. Эффект обманутого ожидания в интернет-мемах как особая коммуникативная стратегия // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 10 (187). С. 9–14.
8. Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. М.: Искусство, 1986. С. 98–107.
9. Мокиенко В.М. Большой словарь русского жаргона. М.: Норинт, 2001. 720 с.
10. Силантьева В.Н. Происхождение прецедентных текстов // Нефтегазовые технологии и экологическая безопасность. 2010. № 2. <https://cyberleninka.ru/article/n/proishozhdenie-pretседentnyh-tekstov> (дата обращения: 09.05.2024).
11. Черкасова Н.В. Лингвокультурологические характеристики блога как жанра интернет-коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2012. Вып. 63. № 5 (259). С. 164–168.
12. Шабунина Э.В. Комизм персонажа и его роль в реализации комического в цикле романов П.Г. Вудхауза о Дживсе и Вустере // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2013. № 2. С. 85–92.
13. Энциклопедический словарь медицинских терминов / Гл. ред. В.И. Покровский. 3-е изд. в 1-м т. 50 374 термина. М.: Медицина, 2021. 960 с.
14. Николић, М. РЕЧНИК српскога језика I / М. Николић; израдили Милица Вујанић и др. Нови Сад : Матица српска, 2011. (Нови Сад : Будућност). 1561 с.

References

1. Arhipova E.V. [Factors of linguistic and cultural transfer of nominations of the sphere of socially significant diseases in a diachronic aspect]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2018, no. 4, pp. 175–181. (in Russ.).
2. Bart R. *Mifologii* [Mythology]. Moscow, Akademicheskij Proekt. 2008. 351 p. (in Russ.).
3. Vishnevskaya E.A. *Anglo-russkij slovar' sovremennogo slenga i nenormativnoj leksiki* [English-Russian dictionary of modern slang and profanity]. Moscow, AST, Vostok-Zapad. 2008. 224 p.
4. Vygotskij L.S. *Sobranie sochinenij: v 6 t.* [Collected works: in 6 volumes]. Moscow, Pedagogika. 1984. V. 4. *Detskaya psihologiya*. 432 p.

5. Girc K.G. *Interpretaciya kul'tur* [Interpretation of cultures]. Moscow, Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN). 2004. 560 p. (in Russ.).
6. Kalinin A.Yu. *Anglo-russkij i russko-anglijskij slovar' slenga* [English-Russian and Russian-English Dictionary of Slang]. Moscow, Zhivoj yazyk. 2012. 224 p.
7. Kanashina S.V. [The effect of deceived expectations in Internet memes as a special communicative strategy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University], 2017, no. 10 (187). pp. 9–14. (in Russ.).
8. Karaulov Yu.N. [The role of precedent texts in the structure and functioning of a linguistic personality]. *Nauchnye tradicii i novye napravleniya v prepodavanii russkogo yazyka i literatury*. Moscow, Iskusstvo. 1986, pp. 98–107. (in Russ.).
9. Mokienko V.M. *Bol'shoj slovar' russkogo zhargona* [A large dictionary of Russian jargon]. Moscow, Norint. 2001. 720 p. (in Russ.).
10. Silant'eva V.N. [The origin of precedent texts]. *Neftegazovye tekhnologii i ekologicheskaya bezopasnost'* [Oil and gas technologies and environmental safety], 2010, no. 2. [https:// cyberleninka.ru/article/n/ proishozhdenie-pretседentnyh-tekstov](https://cyberleninka.ru/article/n/proishozhdenie-pretседentnyh-tekstov) (data obrashcheniya: 09.05.2024). (in Russ.).
11. Cherkasova N.V. [Linguistic and cultural characteristics of a blog as a genre of Internet communication]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Philology. Art history], 2012, V. 63, no. 5 (259), pp. 164–168. (in Russ.).
12. Shabunina E.V. [The comic character and his role in the realization of the comic in the cycle of novels by P.G. Wodehouse about Jeeves and Wooster]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature], 2013, no. 2, pp. 85–92. (in Russ.).
13. *Enciklopedicheskij slovar' medicinskih terminov* [Encyclopedic dictionary of medical terms]. Moscow, Medicina. 2021. 960 p. (in Russ.).
14. Nikoliћ M. *REChNIK srpskoga jezika I* [Dictionary of Serbian language]. Novi Sad, Matica Srpska. 2011. (Novi Sad, Buduћnost). 1561 p.

Информация об авторах

Архипова Евгения Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, Кемеровский государственный университет, Новокузнецк, Россия; eugenia.arkhipova@mail.ru

Беспалова Дарья Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия; bespalovads@cspu.ru

Грибачева Наталья Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия; gribachevanv@cspu.ru

Information about authors

Eugenia V. Arkhipova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Linguistics, Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russia; eugenia.arkhipova@mail.ru

Daria S. Bespalova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk; bespalovads@cspu.ru

Natalia V. Gribacheva, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk; gribachevanv@cspu.ru

Статья поступила в редакцию 20.12.2024.

The article was submitted 20.12.2024.